

Взрослесть.

Часть 1

Вера Яр

"Давай не сегодня?"

«Автор»

2026

Яр В.

"Давай не сегодня?" / В. Яр — «Автор», 2026

Рассказать тебе сказку, дорогой миллениал? Конечно же, сказку о любви. Большой, чистой и всепобеждающей - такой, которой в реальном мире не бывает и быть не может, но мы в нее когда-то искренне верили, потому что выросли на историях со счастливым концом. Сказка эта началась в далеком 2006 году, когда подростки еще не знали соцсетей, оверсайза и финансовых кризисов, и продолжается по сей день. Ее героям предстоит ответить на главный вопрос: что, если найти свою любовь - это только начало пути? Сдадут ли они свой сложный экзамен (и речь вовсе не про ЕГЭ)? И вообще - стоит ли влюбляться в шестнадцать? Первая часть цикла "Взрослеть". Всем, кто хотел бы вернуть свой 2007-й, но так и не смог этого сделать, посвящается...

© Яр В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1.	5
2.	8
3.	10
4.	13
5.	17
6.	19
7.	23
8.	25
9.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вера Яр

"Давай не сегодня?"

1.

– Ребята, чем быстрее вы домоете класс, тем быстрее пойдете мыть коридор!

Классный руководитель 11 «А» Ирина Ивановна Стеценко была женщиной конкретной и в вопросах дежурства по кабинету придерживалась своих строгих правил.

– Так себе мотивация, Ирина Ивановна! – громко усмехнулся Андрей, которому в этот раз выпала сомнительная честь наводить порядок.

– Вот не тебе жаловаться, Светленький! Кто два прошлых дежурства прогулял? А уж когда ты вместо себя отправил соседа-семиклассника, я вообще в шоке была!

С этими словами Ирина Ивановна надела очки, подхватила пачку тетрадей и вышла из кабинета, направляясь на педсовет.

– Что, и такое было? – удивленно спросила Андрея одноклассница Аня, с которой им сегодня предстояло дежурить.

– А? Да, было в том году. Теперь Гришка уже в восьмом и за пачку чипсов батрачить не готов. А жаль.

– Ну ты, конечно, эксплуататор!

– А то! Знай наших, Васильева! – преувеличенно гордо заявил Андрей.

Генеральная уборка класса по пятницам для Ирины Ивановны была священным ритуалом и, в зависимости от ситуации, использовалась как повод либо призвать учащихся к совести, либо наказать провинившихся. Поначалу в ход шли уверения вроде: «Ребята, вам же самим будет приятно заниматься в чистом кабинете! Мы должны беречь школьное имущество, если хотим, чтобы нас окружали красивые вещи!». Но желающих еженедельно беречь это самое имущество с каждым разом было все меньше, зато все чаще уборка становилась санкцией по схеме «Сорвал урок – помыл кабинет. Дважды». А уж если совершенно случайно неделя выдалась спокойной и класс вел себя примерно, назначались дежурные.

Сам Андрей намывал кабинет чуть ли не каждый месяц, хотя на его поведение никто из учителей никогда не жаловался. Парень жил в соседнем со школой доме и не мог отбояриться дополнительными занятиями, как это делали одноклассники. Поэтому, как только у Ирины Ивановны кончались штрафники, Светленький становился первым (и, видимо, по мнению классной, перспективным) кандидатом в дежурные. Надоело до чертиков! И даже совесть скромно воздерживалась от комментариев по этому поводу. Один раз он попросту забыл про экзекуцию, а за второй прогул ему не было стыдно: мыть кабинет в компании Макса Гринчука, который накануне опять довел историчку до нервного срыва, было весьма сомнительным удовольствием. Ну а Гришка тогда сам предложил: ему нужен был повод прогулять тренировку. Если честно, Андрей и в этот раз подумывал не приходить, но услышал, как классная спрашивает у отличницы Ани Васильевой, как у той сегодня со свободным временем.

– Продежурить? Я могу, – ответила Аня, и парень понял, что в этот раз он готов отмывать парты хоть до ночи.

Эта девушка оставалась несбыточной мечтой Андрея все годы учебы. В глубоком школьном детстве они даже иногда играли вместе, но потом их общение сошло на нет. Андрей только пытался поймать ее взгляд на переменах – в основном, безуспешно. Одноклассниками они стали лишь в прошлом году, когда больше половины учеников их параллели ушли в колледж и училище, а к остаткам 9 «А», где учился Андрей, присоединили остатки Аниного 9 «Е». Но даже проучившись год в одном классе, ребята так и не начали общаться хотя бы на прия-

тельском уровне. Аня вежливо, но довольно прохладно отвечала на любой его вопрос, а сама говорила ему максимум «Привет!», да и то не всегда. Но тут он сам виноват: когда влетаешь в класс со звонком, здороваться особо некогда, а после урока уже и незачем.

Окинув взглядом привычный фронт работ, Андрей преувеличенно бодрим голосом заявил:

– Ну что ж. Предлагаю разделение труда. На мне шкафы и подоконники, там цветы тяжелые. На тебе парты и доска. Черточки с пола оттираем вместе. Идет?

– Да, давай, – ответила Аня и отвернулась к раковине, чтобы намочить тряпку.

Если честно, Андрей ее немного нервировал, и она даже не могла объяснить, почему. Он не был задирой и раздолбаем, как Гринч, не прожигал ее влюбленно-тоскливыми взглядами, как Славик Кузнецов, и не устраивал балаганы на уроках, как Вовка Яковлев и компания. Можно даже сказать, что Андрей был одним из самых адекватных парней их 11 «А». Спокойный, веселый, добрый и даже готовый нести ответственность за свои ошибки: когда в прошлом году парни бесились на перемене в кабинете истории и оборвали карниз, Светленький единственный не пытался сделать вид, что его тут и близко не было, а просто пообещал все починить на следующей перемене. И действительно починил. А еще однажды Аня, сидящая за партой прямо перед Андреем, обернулась, чтобы попросить его не пинать ее стул, увидела, как солнце подсвечивает ему глаза, от чего становится заметно, что они насыщенно-синие и какие-то глубокие, словно в них прячется целый космос (она раньше думала, что это банальная метафора, но к глазам Андрея такое описание подходило идеально)... И ничего не сказала. А потом поняла, что ее, в общем-то, и не раздражает, когда он задевает ногой ее стул. Впрочем, сердце девушки на тот момент было давно и безнадежно занято, и она решила не придавать этим мыслям особого значения, лишь изредка тайком поглядывая на Андрея, чтобы убедиться: космос ей тогда не привиделся.

Уборка в классе близилась к завершению: ребята работали хоть и молча, время от времени перебрасываясь дежурными фразами, но довольно слаженно и быстро. Все цветы были политы, стулья подняты на помытые парты, и Аня принялась за доску, пока Андрей оттирал последние черточки с пола. Еще чуть-чуть, и можно переходить к коридорчику метр на метр перед классом, который все называли предбанником и в котором тоже полагалось отчистить линолеум от следов обуви и при необходимости протереть стены. Спустя пару минут, когда доска уже практически сияла, Андрей внезапно произнес:

– Ну, мы почти закончили, вроде. Я пойду.

– Иди, раз тебе надо. Пока! – Аня повернулась к нему, чтобы бросить многозначительный укоризненный взгляд, но спорить не стала. Парень выглядел каким-то... смущенным? Да ну, он смущаться не умеет. Вот ведь помощничек!

Андрей практически выбежал из класса, сам себе напоминая при этом кролика из известной сказки: «Я опаздываю! Я страшно опаздываю! Кстати, куда я опаздываю?». Он прекрасно помнил про предбанник, который тоже подлежал еженедельной санобработке, но... Сил больше не было. Не было сил терпеть эту пытку: он чуть ли не впервые в своей жизни не знал, как завязать разговор с девушкой. С симпатичной девушкой. Да черт возьми! С девушкой, ради встречи с которой он таскался в школу все десять лет и даже почти не прогуливал! И вот, наконец он остался с ней наедине, хоть и по весьма прозаичному поводу, а мысли словно улетучились из головы вместе с природным обаянием и чувством юмора, которые у него вообще-то были! А уж когда Аня принялась мыть доску... Андрей до этого не знал, что он умеет краснеть. Девушка была невысокой даже на каблуках, ей приходилось сильно вытягивать руку с тряпкой и тянуться всем телом, чтобы достать до верхнего края доски. От этого движения голубая блузка задиралась, оголяя полоску кожи на пояснице. Ничего неприличного, девчонки в школе носили и более провокационные наряды, но именно в этот момент в мозгу Андрея промелькнули картинки тако-о-о-ого содержания, что стало совсем невыносимо. Как будто

Аня умеет читать мысли и сейчас узнает о нем все неприглядные подробности! Поэтому вместо того, чтобы просто предложить свою помощь – все-таки он был выше на целую голову и легко дотянулся бы не только до края доски, но и до часов, висящих над ней (он это уже неоднократно проверял), – выдал из себя жалкое «Я пойду». Аня обернулась, не опуская руку с тряпкой, и от этого движения край ее блузки приподнялся еще на сантиметр. Андрей сглотнул несуществующий комок в горле, пытаясь отвести взгляд от этой картины. Девушка посмотрела на него с нечитаемым выражением лица. Вряд ли она была довольна таким поворотом событий и перспективой драить предбанник в одиночку. Он вел себя как идиот!

Андрей себя идиотом, в общем-то, не считал. Хотя недавно, буквально две недели назад, на линейке первого сентября начал подозревать, что он самый настоящий осел – и это как минимум! Тогда он тащил на своем плече мелкую первоклашку с бантиками, которая давала свой первый звонок, и вдруг с удивлением понял, что это действительно его последний год учебы в школе, а все предыдущие он потратил на то, что, в общем, не имело смысла. При этом того, что смысл имело, он старательно избегал. А именно: ни разу за все школьные годы даже не попытался привлечь внимание Ани Васильевой, которую помнил еще такой же первоклашкой, как та, что сидела сейчас на его плече: с двумя хвостиками, вздернутым носиком и ямочками на щечках. Годами он тайно любовался этими ямочками, которые появлялись, когда Аня над чем-то смеялась вместе со своей подругой Ритой, но почему-то так и не решался с ней заговорить, хотя в других ситуациях его порой было не заткнуть. И на торжественной линейке, увидев в толпе одиннадцатиклассников Аню, он вдруг явственно ощутил, как в его голове словно включился таймер обратного отсчета. Была не была!

Не подозревая обо всех душевных терзаниях одноклассника, Аня после ухода Андрея немного повозмущалась про себя и в конце концов успокоилась – мало ли какие у человека дела. Уж не ей с ее плотным расписанием, из-за которого она в прошлом году ни разу не попала на пятничное дежурство, качать права. Вернувшейся с педсовета Ирине Ивановне девушка, слегка покривив душой, отчиталась, что Светленький ушел буквально десять минут назад, выполнив свою часть работы, это она провозилась дольше, чем нужно.

2.

Аня сидела на уроке, слушая долгий рассказ Анны Николаевны о любви в жизни Пушкина. Почему-то изучением творчества Александра Сергеевича принято было открывать каждый учебный год – в память о Болдинской осени, не иначе. Поэт, как известно, был весьма любвеобилен и посвятил прекрасным дамам множество своих шедевров, но в этот раз у Ани совершенно не было настроения разбирать чужие амурные и надежды на взаимность, пусть бы и в стихах. Ее собственная влюбленность, что грела ей душу последние три года, закончилась буквально ничем: парень, который ей нравился, выпустился этой весной и сейчас постигал азы какой-нибудь профессии где-то на просторах нашей необъятной родины. А девушку до сих пор накрывало воспоминаниями о том, как они однажды столкнулись в коридоре и он подхватил ее, чтобы она не упала; как он держался особняком от всех на переменах; как он однажды рассказывал что-то однокласснику, а у проходящей мимо Ани по спине побежали мурашки от звука его голоса; как заразительно он смеялся, стоя под проливным дождем в классическом костюме и с ленточкой выпускника через плечо. И вот сейчас, сидя на уроке литературы, девушка думала о том, читал ли объект ее возвышенных чувств доклад о любви в жизни Пушкина год назад и вел ли он себя при этом как Вовка Яковлев, главный балагур и весельчак их класса, который демонстративно краснел, бледнел и запинаясь, словно зачитывал выдержки из своего личного дневника, а не рассказывал о жизни поэта, давно ставшей достоянием общественности.

Нет, Аня особо не рассчитывала на взаимность – она вообще не была уверена, что объект ее воздыханий хотя бы знает, как ее зовут. Просто... было как-то приятно ощущать это чувство, когда один человек вдруг становится для тебя более важным, чем все остальные. Хотелось, чтобы это тепло, что разливалось в груди, когда она видела его хотя бы издали, не покидало ее никогда. Но увы, она прекрасно понимала, что парень, который буквально возмужал на ее глазах (все-таки, мальчики сильно меняются в период с восьмого класса, когда Аня его впервые заметила, по одиннадцатый), окончит школу на год раньше нее и, вероятно, они больше никогда не встретятся. Девушка была к этому морально готова, даже мысленно пожелала ему счастья напоследок. Но вот приходится на уроки и больше не встречать его на переменах было... грустно? И самое противное, что поделиться своими переживаниями ей не с кем! Ритка пару лет назад тоже вдруг вспыхнула интересом к симпатичному парню, не догадываясь о чувствах подруги, для которой тогда первые романтические переживания казались чем-то сокровенным, и даже попыталась пробиться в компанию старшеклассников. Потерпев неудачу, Рита согласилась принять робкие ухаживания Сережи, с которым ходила на курсы английского языка, и с тех пор они были неразлучны, с завидным постоянством ругаясь и мирясь по два-три раза в неделю. Аня же ввиду незадавшейся личной жизни решила в этом году сосредоточиться на учебе – в конце концов, для влюбленности еще много лет впереди, а вот ЕГЭ и поступление в вуз завалить бы не хотелось. К тому же, глядя на то, как на каждой перемене Гринч обжимается со своей Кристиной, Аня чувствовала: ей повторить такое было бы слабо, но, к счастью, не с кем и не за чем. А вот им было хоть бы хны, несмотря на то, что замечания разной степени громкости и недовольства эта парочка получала регулярно.

– Ребят, ну вы бы постеснялись немного! – попытался как-то призвать их к порядку Андрей Светленький.

– А что такое? Ревнуешь бывшую? – заржал Гринч, снова целуя Кристину напоказ.

– Да не особо. Но физичку сейчас инфаркт хватит. Готов откачивать старушку? – парень решил пропустить шпильку в свой адрес.

Андрей и Кристина действительно встречались в девятом классе, но, к огромному счастью мамы Светленького, их роман не продлился долго. И, если совсем честно, сам Андрей

тоже был этому несказанно рад. У девушки уже тогда имелась привычка демонстрировать всем и каждому свои отношения, что абсолютно не нравилось парню. Периодически приходилось приобнимать ее на переменах, при этом молясь, чтобы Аня не оказалась где-то поблизости и не заметила его позора. Как Андрей начал встречаться с Кристиной, он и сам до конца не понял: просто в какой-то момент она стала уделять ему слишком много внимания, сама поцеловала его в первый раз, а Андрей и не возражал. Сейчас парень воспринимал закончившиеся отношения как неизбежный и необходимый опыт, не более. Выводы были сделаны, навыки общения с девушками получены, двоюродный брат Серега, выведя Андрея на откровенность, похлопал его по плечу и дал пару ценных советов. Но, по большому счету, никаких возвышенных чувств к Кристине парень не испытывал и с облегчением принял известие о том, что он «безынициативный тюфяк» и им нужно расстаться. Разошлись без скандалов незадолго до экзаменов, и уже на выпускном девушка всюю выплясывала с Гринчем, а сам Андрей весь вечер набирался смелости, чтобы пригласить на танец Аню, но так этого и не сделал. Возможно, Кристина была в чем-то права, дав ему столь нелестную характеристику.

Весь десятый класс Андрей провел в наблюдении. Впервые получив возможность безлимитно глазеть на Аню на уроках, он вдруг понял, что практически не знал ее раньше. Реальность оказалась в разы интереснее, чем его представления о девушке, которую предыдущие девять лет он искренне считал недостижимым идеалом. Несмотря на имидж кроткой отличницы, Аня виртуозно собачилась с Гринчем, который по одному ему известным причинам не упускал случая прицепиться к ней, имела неординарное чувство юмора, а еще – парень был в глубочайшем удивлении – могла забыть сделать домашнее задание и списать его у Ритки! Она в принципе не особо стремилась к общению с кем-то кроме своей подруги, будто ее одной ей вполне хватало, но при этом имела спокойные и ровные отношения со всеми одноклассниками (кроме Гринча, конечно, но тут клинический случай), всегда могла помочь с объяснением непонятных тем и спасти «тонущих» у доски, мимикой показывая, в правильную ли сторону ученик ведет свой ответ. Еще она грызла кончик ручки, решая сложную задачу, сдувала со лба челку, чтобы не лезла в глаза, была не прочь посмеяться вместе со всеми, когда Вовка Яковлев устраивал очередной перформанс на уроке, временами словно отключалась от мира, засмотревшись в окно, – в общем, была обычным живым человеком, постепенно спускаясь с пьедестала, на который Андрей годами воздвигал ее в своем воображении. А еще она была красивой – очень красивой, по мнению Светленького. И еще эти ямочки на щеках...

И вот сейчас, на уроке литературы, пока Аня смотрела в окно на свинцовое сентябрьское небо, совершенно отрешившись от внешнего мира и, кажется, даже не слушая Анну Николаевну, Андрей разглядывал задумчивый профиль одноклассницы и пытался понять, о чем она грустит. В этом году она вообще частенько вот так выпадала из реальности, и на лице ее появлялось то самое меланхоличное выражение, от которого парню становилось почти физически больно. Хотелось отвлечь девушку от мрачных мыслей и больше никогда не видеть печаль в ее глазах. За пять минут до звонка Андрей пришел к выводу, что Пушкин, кажется, действительно что-то понимал в любви.

3.

На большой перемене 11 «А» возмущенно шумел и обсуждал новость, услышанную за несколько минут до звонка. Под конец сдвоенного урока алгебры Ирина Ивановна объявила уставшим от уравнений ученикам, что центр подготовки к ЕГЭ (единственный в их Первомайском, а потому самый лучший) открывает набор будущих выпускников.

– Тем, кто хочет сдать ЕГЭ на высокий балл, настоятельно рекомендую подумать о посещении этих занятий. Мы на уроках и консультациях не успеем повторить и половины того, что необходимо знать к экзамену, – вещала Ирина Ивановна. – Но, конечно, заставлять я никого не буду, посещение репетиторов исключительно по желанию и финансовой возможности.

– То есть, можно этого как-то избежать? – с надеждой поинтересовался Андрей.

– В принципе, да. Но вот тебе, Светленький, лучше бы позаниматься. Я позвоню твоей маме, – ответила Ирина Ивановна.

Наблюдая, как улыбка сходит с лица Андрюхи, классный руководитель продолжила:

– Сейчас открыто три группы. Одну из них буду вести я. Еще две – другие педагоги. И я пойму, если кто-то захочет заниматься не у меня. Поверьте, мне вас тоже вполне хватает и на уроках!

И вот теперь 11 «А» морально готовился к тому, что царицу наук придется изучать с гораздо большим рвением, чем обычно.

– О, нет! Дополнительная математика, да еще и платная – не прогулять! – голос Вовки Яковлева был преисполнен страдания. – Мать меня точно туда отправит, причем за счет моих карманных денег!

Аня подумала, что ее ждет такая же участь, за исключением вопроса оплаты. В ее кармане столько средств не водилось, максимум мелочь на шоколадку. Удивительно, кстати, почему она до сих пор не записана в этот центр маминым волевым решением. Впрочем, как выяснилось вечером дома, уже записана, причем именно в группу Ирины Ивановны. Пришлось уговаривать Ритку не бросать ее одну на растерзание. Рита, как обычно, не могла дать Аню в обиду. Да и то правда, списать у подружки ЕГЭ, как сложное задание на контрольной, не выйдет, а значит, придется грызть гранит науки самой.

Андрей, может, и выбрал бы другую группу, чтобы избежать пристального внимания классной хотя бы здесь, но его мама решила иначе. Он был уже третьим Светленьким, который учился у Ирины Ивановны, и для родителей фамилия Стеценко стала своеобразным знаком качества. Правда, ни у Светки, ни у Сереги Ирина Ивановна не была классным руководителем, и Андрей подозревал, что ее внимания его сестре и двоюродному брату все-таки доставалось намного меньше, чем ему. Но, увидев Аню на первом занятии, парень уже был не против ходить на дополнительные к любимой классной хоть каждый день.

Лешка Елисеев, Вовка Яковлев и еще несколько одноклассников записались в группу Ирины Ивановны за компанию с Андреем, а подружки Маша Ильина и Лена Тарасова, очевидно, ради кого-то из мальчишек. Аня не сильно интересовалась их личной жизнью, но девочки строили глазки всем подряд на каждой перемене, и было совершенно непонятно, как в их мозгу при таком интересе к парням может уместиться еще и математика. В итоге представители 11 «А» составили больше половины группы Стеценко и уже на первом занятии сполна ощутили последствия своей недалекости.

– Ну как вам? – усталым голосом поинтересовалась Рита, предусмотрительно закрыв дверь кабинета и отойдя на приличное расстояние.

Они только что выползли в коридор после мозгового штурма, который им устроила Ирина Ивановна. Многим с непривычки было сложно. А Стеценко, к тому же, особым терпением к собственным ученикам совершенно не отличалась. Если ребятам, которых она видела

впервые, Ирина Ивановна объясняла ошибку, то к «своим» применяла привычные методы: язвительные шпильки и возмущения «Мы же это проходили в шестом классе!».

– Ух! Может, стоило все-таки в другую группу податься? – высказал общие сомнения Лешка Елисеев. – Все спокойнее было бы.

Одноклассники переглянулись.

– Ну, у меня без вариантов, – хмыкнула Аня.

– И у меня, – кисло добавил Андрей. – Родители в нее верят, она мою сестру учила. И брата.

– Это рабство называется, – ехидно просветила его Рита. – А вообще, народ, отступать нам уже некуда. Представьте, что нас ждет на уроках, если мы сейчас дружно перебежим в другую группу на дополнительном.

– Средневековые пытки, – резюмировал Вовка Яковлев. – Вы даже не представляете, как можно поизмываться над человеком при помощи циркуля и транспортира!

– Интересные у тебя фантазии! – протянула Рита.

– Хочешь узнать подробнее? – Вовка поиграл бровями.

– Нет уж, лучше останусь в неведении!

Все вместе они дошли до остановки. Аня с Ритой уже вели беседу о чем-то своем, мальчишки дружно обсуждали новую игру, Маша и Лена, судя по сдавленному хихиканью, снова разговаривали исключительно о симпатичных парнях. Все точно так же, как в школе на перемене, подумала Аня.

Зайдя в остановку, девушка привычно уселась на скамейку. Она довольно часто в своей жизни коротала время в ожидании автобуса. Рита примостилась рядом. С другой стороны от Ани сел Андрей, отколовшийся от группы мальчишек под благовидным предлогом: накрапывал мелкий дождик, и у него не было желания стоять под ним в одной толстовке. Зато было желание держаться поближе к Ане.

– Кыш, у нас тут секретный женский разговор! – шикнула на парня Рита.

– Тебе жалко, что ли? Пусть сидит, – отозвалась Аня. – Надоест слушать про сапоги – сам уйдет.

Андрей довольно улыбнулся. Аня не против, чтобы он сидел рядом. Это же хороший знак, правда?

– Да, кстати. Вот сейчас актуальна обувь с закругленным носом, но все сапоги, которые я мерила в том магазине, выглядят как бабкины тапки!

Аня повернулась к Андрею и улыбнулась.

– Да, я именно об этом, – тихонько шепнула она и картинно закатила глаза.

Андрей снова засмотрелся на ямочки на ее щеках и с трудом удержался от того, чтобы поправить ей растрепавшуюся на ветру прядь волос. Появилась робкая мысль, что Аня, возможно, даже не откажется, если он предложит ее проводить от остановки до дома: все-таки, пока они доедут, уже окончательно стемнеет. Но мечты разбились о суровую реальность, когда девушка, махнув на прощание одноклассникам, выпрыгнула из автобуса всего несколько остановок спустя.

– Не понял... – проводил ее удивленным взглядом Андрей и вопросительно уставился на Риту.

– Чего? Живет она тут, – пояснила девушка.

– А почему тогда в нашей школе учится?

– Как будто у нее выбор был! – хмыкнула Егорова.

Право на самовыражение Ане, в основном, приходилось выгрызать, и Рита об этом прекрасно знала. У Аньки до сих пор даже мобильного нет по одной простой причине – чтобы мама не звонила ежечасно с вопросом «Где ты, дочь?», когда дочь торчит у подруги, саботируя ненавистные танцы. Аня тогда хотела вместе с Ритой ходить на плавание, но мама решила, что

хореография девочке полезнее. Мобильник, к слову, подруге уже покупали, но та его удачно потеряла (Рита подозревала, что специально), и с тех пор Аня ходила «наказанной» – пусть, мол, поймет, что вещь дорогая, а деньги мать не печатает. Аня все отлично понимала и с санкциями не спорила. Понятно, что при таком раскладе и выбор школы в ее семье тоже не обсуждался. Но не рассказывать же об этом в подробностях каждому Светленькому! Захочет – сам у Ани и спросит.

4.

Конец октября выдался сложным. Одиннадцатиклассники уже впряглись в подготовку к экзаменам и с каждым днем все больше увязали в знаниях по самые уши. Свободного времени практически не оставалось, и теперь наиболее сознательных учеников 11 «А» можно было вычислить по синякам под глазами и бледному виду – времени на сон после всех уроков, репетиторов, дополнительных заданий и выполнения домашки катастрофически не хватало. Если раньше, выглянув в окно после уроков, Андрей видел минимум пятерых ровесников, гоняющих мяч или бречащих на гитаре к неудовольствию всего двора, сейчас большинство из них он встречал разве что на дополнительных занятиях. Сам Андрей погряз в подготовке к ЕГЭ по физике и математике, которые нужны были ему для поступления в вуз: мамин брат, дядя Дима, обещал похлопотать насчет целевого, но экзамены сдавать придется самому, и желательно как можно лучше, иначе никакой дядя не поможет. Теперь в его еженедельном расписании помимо школьных уроков значились два трехчасовых занятия по физике в центре подготовки к ЕГЭ и два таких же по длительности – по математике. Андрей никогда не думал, что скажет что-то в этом роде, но благодаря надвигающимся экзаменам и лично Ирине Ивановне они с Аней наконец оказались в одной компании по интересам, и их общение стало на несколько градусов теплее. Теплее абсолютного нуля, разумеется, но и это уже неплохо. Они понемногу начали разговаривать. Андрей старался примоститься где-то рядом, когда Аня переводила для Риты сложные темы с математического на человеческий. Ее объяснения он почему-то понимал лучше, чем то же самое в исполнении классной. А Аня и не возражала, что Андрей греет уши, сидя на корточках возле их с Ритой парты. Да и в целом за месяц дополнительных занятий еще недавно не особо дружные ребята из 11 «А» стали почти приятелями. Что ни говори, а общий враг в лице Ирины Ивановны и ЕГЭ по математике все-таки сближает.

А в начале ноября судьба подарила Андрею шанс.

Собираясь на свои курсы английского, Рита решила, что погода благоволит тому, чтобы надеть мини-юбку и новенькие модные сапожки, которые она все-таки купила, обойдя все известные ей магазины, и которые неизменно сразят наповал ее Сереженьку. Совмещение образовательного процесса со свиданием прошло успешно, однако девушка весь вечер промерзла на ледяном ветру и наутро проснулась с больным горлом. Во время уроков поднялась и температура, окончательно разрушая надежды на то, что все обойдется.

Андрей, войдя в кабинет репетиторского центра, где занималась их группа, привычно бросил взгляд на парту, за которой всегда сидела Аня с подругой, и резко затормозил. Вопреки традициям в этот раз Аня была одна, а Риты вообще не наблюдалось в поле зрения.

– Всем привет! Васильева, а где твоя вторая половина? – Вовка Яковлев и тут неизменно устраивал балаган. Аня подозревала, что он неровно дышит к ее подруге, потому и красуется перед Риткой.

– Заболела.

– В смысле? Она же утром в школе была!

– Утром была, а с трудов ее отправили с температурой под сорок. Похоже, на больничный уйдет.

– Во дела... – Вовка заметно сник.

Наверное, он полдня готовил шутки, которые планировал отпускать в автобусе, когда все они после занятия поедут домой, подумала Аня. Ей даже стало немного жаль Яковлева, ведь у него не было ни единого шанса. Ради Вовки Рита никогда бы не согласилась мерзнуть в мини-юбке и тонких капронках в ноябре!

– Привет еще раз! – подошедший к ее парте Андрей вырвал девушку из размышлений. – Ань, спасай, будь другом. Можешь системы объяснить? Я за гневными восклицаниями Ирочки и половины не понял.

– Да, конечно, – отозвалась девушка. И, увидев, что Андрей привычно приземляется на корточки возле ее парты, добавила: – Да садись на стул, я не кусаюсь!

Утром на уроке алгебры Ирина Ивановна неожиданно для себя выяснила, что класс категорически забыл все, что проходили три года назад, и не умеет решать системы уравнений. Математичка была в шоке и разразилась тирадой на тему «Вот учишь их, учишь, и все без толку!». Потом она собрала волю в кулак и попыталась вкратце объяснить тему, чтобы идти дальше по плану урока, но большинству учеников эта попытка понимания не прибавила. В итоге все сорок минут алгебры были посвящены исключительно этой теме, а точнее, возмущениям Ирины Ивановны, которые лично Аня мастерски пропускала мимо ушей, справедливо полагая, что к ней это все не относится, – она системы решать умела. Но вот на дом задали два листа из учебника за восьмой класс, что, конечно, не радовало.

Аня успела вкратце рассказать теорию, и Андрей даже начал под ее контролем решать домашнее задание, когда в кабинет вошла Ирина Ивановна. Рассаживаться уже было поздно. Парень, впрочем, и не планировал: три часа за одной партой с Аней его вполне устраивали. Изредка переговариваясь шепотом, они выполняли задания, а во время перерыва продолжили изучение систем. Аня нашла в решении Андрея пару ошибок и объяснила, как правильно, – в итоге в голове парня появилась удивительная ясность по этому вопросу. Он даже смутно припомнил, что действительно изучал это в восьмом классе.

Когда занятие было окончено, одноклассники привычной компанией двинулись к автобусной остановке. Андрей примкнул было к ним, чтобы не сильно навязываться своей сегодняшней соседке по парте, но вдруг заметил, как Аня поворачивает в противоположную сторону. На ночь глядя. Одна.

– А ты куда? – осторожно уточнил Андрей, догнав девушку быстрым шагом.

– Домой, – Аня махнула рукой куда-то в темноту дворов. – Я тут рядом живу.

– Ты же всегда с нами на автобусе едешь...

– Так я с Ритой за компанию. Автобус же отсюда дальше едет в ту сторону и объезжает микрорайон, вот и получается четыре остановки до моего дома. Можно еще полчаса поболтать после занятий. А по прямой тут минут пять, – объяснила девочка.

– Минут пять, говоришь? Ну пошли.

– Куда?

– Провожу. Не отпускать же тебя одну по темноте.

И Андрей пошел следом, мучительно придумывая, что бы еще сказать. Потому что молчать в этой ситуации как-то странно.

– Спасибо, кстати, что объяснила эти системы. Я даже понял, кажется.

– Да не за что. Ирочка завтра обязательно проверит, как ты понял.

– Вот даже не сомневался. Будет терроризировать, пока правильный ответ не получит, – хмыкнул Андрей.

Аня вдруг резко остановилась.

– Слушай, я ж за хлебом не зашла! Мама сказала купить. И магазин уже прошли.

– Так давай вернемся.

– Тебя дома не ждут, что ли?

– Ждут. Но без хлеба. Пошли.

Ребята вернулись на пару сотен метров, поднялись на крыльцо и зашли в типовой продуктовый у дома. Хлеб здесь, разумеется, был. Его можно было найти по запаху, от которого сразу же захотелось есть.

– Так, а мороженое тут где?

– Айда! – девочка прошла вглубь магазина, дважды свернула и вывела Андрея к холодильнику. – Вот.

– Ничего себе спрятали!

– Летом прямо у входа холодильник стоит, сейчас уже не сезон.

– Точно. Ты какое любишь? – поинтересовался парень, изучая ассортимент.

– Фруктовое. Ладно, я за хлебом, потом на кассу.

Ане было как-то неудобно стоять над душой у одноклассника, да и вообще, ему тоже домой пора. Дойдя до стеллажей с выпечкой, девушка взяла батон, немного посомневалась насчет сочной с творогом, но решила воздержаться и направилась к кассе.

Андрей уже ждал ее у выхода.

– Держи. Фруктовое, – протянул он рожок в блестящей обертке.

– Ну спасибо, – улыбнулась она.

Себе парень взял «Лакомку». Аня такое есть попросту не умела – коварное мороженое начинало таять практически сразу и обязательно капало на чистую кофту. Закон подлости работал без исключений. Впрочем, на улице сегодня днем было минус три, а к вечеру еще похолодало. У куртки Андрея были все шансы выжить в этом неравном бою.

– Ань, что по физике задавали?

– Двенадцатый параграф, там задача в конце. Ты сейчас еще и физику будешь делать на ночь глядя? – удивилась Аня. Сама она планировала поесть, почитать книжку и завалиться спать. С физикой девушка расправилась еще позавчера.

– Ну да, – удивленно пожал плечами Андрей. В его стиле было делать домашку прямо перед уроком. Или не делать ее вовсе, если не вспомнит.

– Удачи, – хмыкнула девушка. И, заметив погрузневший взгляд парня, добавила: – Да ладно, там не сложно. Задача на повторение.

– Вот сейчас вообще не обрадовала, конечно, – проворчал Андрей и проглотил практически половину «Лакомки» разом. Затем еще кусок. Да, с такими темпами его одежде ничего не грозит даже в жару.

– Да я серьезно! Там в пример точно такая же задача приведена. Подставь нужные цифры и не изобретай велосипед.

– А ты именно так пятерки получаешь? – усмехнулся парень. Вроде бы ехидный вопрос прозвучал как-то по-доброму, и Аня решила не обижаться, хотя за годы учебы ее изрядно достали шутками про ботаников. И про блондинок. И про ботаников-блондинок, которых в природе существовать не должно, – это вообще была любимая тема Гринча.

– В основном, – улыбнулась она. – Но иногда приходится думать. Считаю, что это несправедливо!

За разговорами ребята подошли к подъезду девушки. Пока Аня доедала мороженое, Андрей рассказывал о подготовке к ЕГЭ по физике в том же центре. Этот предмет девушка сдавать не планировала. Она вообще определяла себя как страдающего гуманитария, которому приходится разбираться в точных науках только ради приличных оценок в аттестате.

– Слушай. Если ты еще минут десять постоишь тут, имеешь все шансы в третий раз за сегодня огрести от Ирочки, – спохватилась Аня.

– Это почему? – удивился Андрей такому плавному переходу с законов Ома, во время повторения которых его едва не дернуло током прямо на лабораторной, к их классной.

– Потому что она живет вон в том подъезде и скоро пойдет домой.

– Серьезно?

– Ну. Вон ее балкон, на втором этаже. А на третьем жила моя подружка, и я в детстве часто ходила к ней в гости. Можно сказать, я донимала Ирочку задолго до Гринча, – ностальгически протянула Аня. – Хорошо, что она не в курсе, кто именно визжал и топал у нее над головой по воскресеньям. А то она немного злопамятная...

Андрей хмыкнул. О характере Ирины Ивановны Стеценко по школе ходили легенды. Их классная не отличалась кротким нравом и демонстрировала его практически на каждом уроке. Худшего класса, чем нынешний 11 «А», у нее, по ее словам, еще не было. Правда, Серега, который два года назад окончил школу, уверял, что его классу Ирина Ивановна давала точно такую же характеристику. Перспектива снова встретиться с любимой классной Андрея не вдохновляла: он действительно дважды за сегодняшний день получил от нее дружеский нагоняй – на уроке, за системы уравнений, чтоб им пусто было, и на дополнительных занятиях, за ошибку в графике функций. Поэтому парень настороженно оглянулся, не идет ли где-нибудь поблизости Ирина Ивановна, и повернулся к Ане.

– Ладно, если опасность настолько близко, то я действительно побегу. Пока! И спасибо, что объяснила мне эти чертовы системы.

И быстро чмокнул ее в замерзшую щеку, пока не передумал.

5.

На следующее утро Андрей сделал героическое усилие над собой, проснулся на полчаса раньше и пришел в школу до начала уроков. Увидев, что Аня стоит в коридоре одна – Рита все-таки ушла на больничный и не могла захватить ее внимание полностью – он подошел ближе.

- Доброе утро! Как дела?
- Да неплохо. А у тебя?
- Как всегда – лучше всех!
- Физику-то решил?
- Упс...
- Дать списать?

Андрей с удивлением посмотрел на девушку. Их с Гринчем баталии насчет списывания слышал весь класс, и все давно усвоили: Аня может объяснить, если непонятно и ты хочешь разобраться в вопросе, но готового решения не даст. Кажется, лед между ними наконец тронулся. Но это не точно...

- Да ну, я сам. Сейчас на литературе займусь.

В пятницу вечером Андрей снова сел с Аней на дополнительное занятие по математике и потом проводил ее домой. Аня не возражала. Не возражала она и против того, чтобы Андрей снова поцеловал ее в щеку напоследок. И даже не выглядела шокированной, как в прошлый раз. Улыбнулась и попрощалась. Потом окликнула, видя, что он пошел совсем не в ту сторону:

- Андрей! Остановка там!

– Я пройду! – с плохо скрываемой радостью ответил ей парень. Вот еще не хватало лыбиться как придурок на весь автобус!

***

Проведя всю субботу и воскресенье – единственный выходной! – в томительном ожидании, Андрей планировал в понедельник во что бы то ни стало снова проводить Аню домой, но уже после уроков. Даже с утра надел куртку и прихватил с собой шапку, хотя обычно шел на уроки в одной рубашке в любую погоду – от его подъезда до крыльца школы было ровно три минуты ходу, замерзнуть просто невозможно. Зато не приходится тратить время на очередь в гардеробе. Удобно!

После ОБЖ – последнего урока, который у парней и девчонок проходил в разных кабинетах, – Андрей подждал девушку у стенда с расписанием на первом этаже, но Аня, спустившись по лестнице, подошла к ближайшему окну, запрыгнула на высокий подоконник, словно вовсе не планировала идти домой, и достала какой-то учебник. Андрей подошел к ней.

- Ты сегодня в школе ночуешь? – спросил он, оперевшись на подоконник рядом с Аней.

– Почти. У меня русский через полтора часа, домой ехать смысла нет. Я пока туда доберусь, уже обратно пора выдвигаться.

- Тоже подготовка к ЕГЭ?
- К олимпиаде пока. К ЕГЭ – потом.
- Оу! И что ты там изучаешь?
- Да все подряд, от пунктуации до старославянских выражений.

– Звучит страшно, – усмехнулся Андрей. – И какие у тебя планы на ближайшие полтора часа?

– В библиотеку, – пожал плечами Аня. В этом царстве книг она коротала время довольно часто. – С подоконника уборщица обязательно выгонит.

– Можно составить тебе компанию? Я найду, с каким еще вопросом по математике пристать.

– Пойдем. Хоть библиотеку посмотришь! – засмеялась Аня и, захлопнув учебник, затолкала его в сумку.

В связи с полным отсутствием посетителей в читальном зале царил идеальная тишина. Библиотекарь Татьяна Алексеевна ничего не имела против того, чтобы старшеклассники тихонько позанимались математикой. Аня и Андрей обосновались за дальним столом и обложились распечатками с заданиями ЕГЭ прошлых лет. Час спустя парень уже неплохо ориентировался в синусах, косинусах и графиках функций, которые фигурировали чуть не в каждом втором задании. Аня буквально с ходу заметила ошибку, которую он допускал раз за разом, и подсказала правильный принцип решения, после этого дело пошло веселее.

– Слушай, а можно я к тебе на репетиторство запишусь? Ирочка больше возмущается, чем объясняет! – усмехнулся парень, уже с легкостью выстраивая очередной график функций.

– Отлично. Я к Ирочке на репетиторство, а ты ко мне. Круговорот алгебры в природе! – хмыкнула Аня. Андрей улыбнулся. – Ладно, на этом предлагаю остановиться, мне к Анне Николаевне скоро идти.

– Да, давай. Спасибо, что объяснила!

– И что показала тебе наконец библиотеку? – подколола девушка.

– Нет, ну тут я вообще-то бывал. Давненько, правда. Вот в первом классе часами торчать приходилось. Хотя было весело...

Аня замерла с распечатками в руках.

– В первом классе? Погоди... Это мы с тобой, что ли, библиотеку на уши ставили?

– Вообще-то, да. Как ты могла меня забыть? – притворно возмутился парень.

– Ну не то чтобы прям забыть... – растерялась Аня. – Я помню, мы тут одно время с каким-то мальчиком то журналы листали, то в морской бой играли. Нас однажды даже выгнали за хохот! Но не помню, что за мальчик и из какого класса, светленький такой...

Андрей многозначительно посмотрел на одноклассницу.

– Ой... Светленький! – рассмеялась девушка, заметив случайный каламбур.

– Так, молодежь! Не шумим в библиотеке! – тут же отреагировала на посторонние звуки Татьяна Алексеевна.

– Извините, мы уже уходим, – ответил ей Андрей, подхватывая рюкзак.

6.

За пару дней до конца августа будущему первокласснику Андрею отец торжественно вручил ключ от квартиры и показал, как открывать и закрывать дверь. Родители сочли его достаточно самостоятельным, а дорогу от школы до дома, двести метров по прямой, достаточно безопасной для ребенка. Вот только этот ключ Андрей умудрился потерять уже через пять дней, побежав после уроков играть в футбол вместе с Максом Гринчуком, с которым они вместе ходили в сад, но попали в разные классы. Второй ключ Андрей потерял двенадцатого сентября, когда все с тем же Максом лазил по деревьям в соседнем дворе. Затем он где-то посеял и третий ключ. А потом и вовсе допустил промах, после которого лимит родительского доверия был исчерпан: когда приятели позвали Андрея гулять, мальчик выбежал на улицу, забыв запереть дверь. Старшая сестра Светка, которая училась уже в пятом классе и на этом основании нещадно рвалась воспитывать неразумного братца, с превеликим удовольствием сдала его с потрохами.

Андрея лишили привилегии возвращаться домой самостоятельно и уходить гулять без надзора – до тех пор, пока он не «докажет, что уже в состоянии следить за собой и своими вещами». Как это доказывать, история умалчивала, но теперь ему полагалось после уроков ждать сестру и никуда из школы не уходить. А у Светки порой бывало и по шесть уроков, когда у Андрея максимум четыре! Сначала мальчик тосковал на скамейке у входа на первом этаже, но его непосредственность и общительность довольно быстро надоели вахтерше. Так Андрей начал искать более укромные места в школе и случайно забрел в библиотеку. Нет, в сентябре их класс приводили сюда на экскурсию, но возвращаться в это царство книг он больше не собирался: гонять мячик ему было гораздо интереснее, чем листать страницы. Но почему бы и не посмотреть, что тут есть? Как только он вошел, его тут же окликнули.

- Привет! Ты хочешь взять книжку? Татьяны Алексеевны нет, но я могу записать.
- Нет, я просто зашел. Сестру жду. А как тебя зовут?
- Аня.
- А меня Андрей. Давай поиграем?
- Это же библиотека, тут нельзя играть.
- А мы тихонько...
- Тихонько, наверное, можно.

Из-за стола с конторкой торчали два пышных белых банта. Они покачнулись и двинулись вправо. Хозяйка бантиков выбралась из своего укрытия. Андрей увидел девочку в голубом костюмчике под цвет глаз, ее задорную улыбку и ямочки на щеках, и пропал. Окончательно и бесповоротно. Влюбился со всей серьезностью, на которую только способен первоклассник во второй четверти. Точнее, это мама потом со смехом рассказала Андрюшке, что он влюбился, – сам мальчик ни о чем таком даже не думал. Глупости какие-то!

Как узнал Андрей, девочка была дочкой учительницы и довольно часто сидела в библиотеке в ожидании, когда у мамы закончится рабочий день. Аня тоже училась в первом классе, и оказалось, что с ней удивительно легко общаться. Раньше Андрей с девочками особенно не дружил – хватало и вредной Светки, глядя на которую, невольно подумаешь, что все девчонки такие. Но в этот раз, придя домой, мальчик захлеб рассказывал маме про то, как они с девочкой Аней играли в крестики-нолики, читали книжку про Винни-Пуха и даже успели выучить стих – оказалось, им задали одно и то же! Мама, выслушав этот поток эмоций, только улыбнулась и заметила, что девочка скоро узнает, как Андрей терпеть не может читать. «А уж если она увидит твои неаккуратные прописи, вообще в обморок упадет!» – тут же вклинилась Светка. В целом ее бы устроило, если бы после уроков не приходилось искать братца по всей школе и Андрей точно ждал бы в библиотеке, но воздержаться от комментария было выше ее сил.

Вопреки ожиданиям мамы, Андрей продолжил бегать в библиотеку каждый день – чтобы поиграть с Аней, конечно же, а не ради книг – и за компанию даже начал читать. Аня, казалось, знала чуть ли не все, что стояло на полках для учеников начальной школы, и то и дело рекомендовала ему книжки. Причем исключительно веселые и интересные – нудные народные сказки, которых дома было с избытком и которые обожала Светка, Андрей терпеть не мог. Когда надоедало сидеть в библиотеке, ребята выбирались в пустынные во время урока коридоры поиграть в шпионов (надо было подкрасться к какому-нибудь классу, чтобы тебя не заметили, и послушать, о чем там говорят) или сидели на подоконниках (за это обычно ругали на переменах, но во время урока никто не видел) и о чем-нибудь тихонько разговаривали.

Однажды, за пару дней до каникул, Андрей привычно пришел в библиотеку после занятий, но Ани здесь не было. «Заболела твоя подружка, – объяснила Татьяна Алексеевна. – Хочешь, напиши записку, я передам ее маме». Андрей застеснялся. Он немного посидел в читальном зале с книжкой про Простоквашино и пошел домой – к счастью, в этот день у Светки было всего на один урок больше. А перед самым новым годом родители объявили Андрею, что записали его на хоккей, тренировки будут проходить чуть ли не сразу после уроков, и придется разрешить мальчику уходить домой самостоятельно («Но попробуй только потерять еще хоть один ключ!»). Счастью Андрея не было предела: о хоккее он мечтал с раннего детства, но по малолетству в секцию его не принимали. Теперь сразу после уроков он несся домой, чтобы быстро переодеться, наскоро перекусить и лететь на корт. Вот только стыдно было перед библиотечной подружкой Аней, к которой он заходил все реже, ведь практически каждый день после уроков его на крыльце школы поджидал Макс Гринчук – они оказались в одной команде. Конечно, иногда Андрей все-таки забегал к Ане, стараясь как-то ненавязчиво отделаться от приятеля, если у них нет тренировки. Поговорить с девочкой хотя бы немного ему казалось очень важным. Даже когда он уже не мог торчать в читальном зале часами – родители, помня его промахи, обязательно проконтролируют, дома ли он, телефонным звонком в назначенное время. В редкие совместные посиделки в библиотеке Андрей и Аня продолжали болтать о чем-нибудь (совсем не об учебе), играть, вместе читать: мальчик покорно брал домой те книги, что советовала ему девочка, удивляясь самому себе и удивляя маму. Но видеться так часто, как хотелось бы, уже не получалось.

Во втором классе Андрей изредка заглядывал в библиотеку перед уроками, ведь они теперь учились во вторую смену, и – о, чудо! – Аня бывала там и по утрам. У него самого тренировки порой заканчивались за час до начала занятий, и надо было успеть не только переодеться и поесть, а иногда и сделать домашку, потому что вечером было откровенно лень. Но обойтись совсем без общения со своей подружкой он по-прежнему не мог. Страшно завидовал Гринчуку, который учится с Аней в одном классе, а теперь еще и сидит за одной с ней партой. Андрей бы многое отдал за такую возможность, а этот дурак совершенно не ценил свою соседку! Ворчал постоянно, как она ему надоела. А когда Светленький попытался защитить девочку, Макс огрызнулся: «Ты что, влюбился в нее, что ли?». Приятель, впрочем, об этом тут же забыл, а вот Андрей – нет. И на всякий случай перестал спрашивать об Ане, довольствуясь только тем, что Макс рассказывает сам. А еще на переменах неизменно выискивал взглядом девочку с двумя хвостиками и с ямочками на щеках. Но на переменах Аня практически не обращала на него внимания: то ли обижалась, что он редко приходит в библиотеку, то ли в окружении подружек ей было совсем не до него. Иногда они играли во что-нибудь класс на класс, но и только.

А ближе к концу второго класса и вовсе случилось то, о чем Андрей предпочел бы забыть раз и навсегда. Но, к сожалению, события этого дня никак не забывались, и от этого чувство стыда накрывало мальчика с головой, когда Аня появлялась в поле его зрения.

Близилась к концу третья четверть. И хотя днем уже на солнышке начинал подтаивать снег и появлялись лужи, на улице все-таки было еще морозно. Каток, что располагался в тенишке,

пока и не думал таять – ребята всю готовились к матчу с командой соседней школы. Гуляя после уроков, Андрей и Макс вели высокоинтеллектуальный мужской разговор о том, что все девчонки дуры. Андрей при этом имел в виду Светку, а Макс, разумеется, Аню. Что они с соседкой по парте не поделили на этот раз, приятель не мог внятно сформулировать, только возмутился. И на пике своих возмущений он вдруг заметил, что во дворе школы, сидя на корточках прямо возле большой лужи, Аня и Рита пускают кораблики из бумаги.

Макс начал подзуживать Андрея: а слабо тебе подбежать и толкнуть Аньку в лужу? Андрей, разумеется, не хотел обижать подружку. Это же Аня! Она недавно мимоходом под-сказала, как запомнить эти дурацкие падежи, что совершенно не хотели укладываться у него в голове. И Андрей, отвечая у доски на следующий день, даже получил пятерку по русскому, который у него хромал с самого начала. Ну вот как ее – в лужу? Да он бы и любую другую девочку не стал толкать, а вот Макса – запросто! И тут Гринчук, увидев, что приятель мнется и не решается, снова выдал свое коронное: «Влюбился, что ли?».

Дома мама нет-нет да и напоминала Андрею о его симпатиях к замечательной Ане. Хотя и по-доброму, но все-таки подшучивала, что, если сын не будет стараться на уроках, то девочка, читающая книжки в библиотеке, на него даже и не посмотрит. А Светка вообще откровенно дразнилась: ты глянь, кавалер выискался, еще шоколадкой угости! Андрей, кстати, угощал, правда, конфетами – занюхал самые вкусные из своего новогоднего подарка. Да и вообще постоянно таскал в портфеле что-то съестное и не жадничал поделиться с подружкой. Но Светке, конечно, знать об этом было необязательно, она просто завидовала – на нее совершенно не обращал внимания верзила Хомяков из 8 Б, по которому она сохла.

Когда Макс задал свой вопрос, Андрей неожиданно подумал: а вдруг приятель и правда заметил его интерес? Вдруг он сам по неосторожности слишком часто спрашивал об Ане, и друг начал что-то подозревать? А как было не спросить, когда Макс постоянно упоминает ее, все-таки они полдня проводят за одной партой. Позор! Еще начнет на всю школу орать про «тили-тили-тесто». Да Аня на него в жизни после такого не посмотрит! В общем, Андрей испугался разоблачения и, больше не мешкая ни секунды, разогнал и на бегу толкнул Аню в спину, тут же припустив еще быстрее на пару с Максом, пока девчонки были заняты и шокированы произошедшим. О том, что его собственный отец прибил бы сына за такие выходки, он подумал уже после. В его доме девочек обижать было нельзя. И как бы его временами ни бесила Светка, которая обожала играть в мамочку и разговаривала с братом в основном командным голосом: сделай то, убери это, а кастрюлю за тебя кто на место поставит, – даже ей практически не прилетало в ответ. Она же девочка!

Андрею было невыносимо стыдно за свой поступок. Да, Макс взял его на слабо. Но голова на плечах и своя есть, и стоило ею думать. В душе теплилась слабая надежда, что Аня с подружкой его все-таки не узнали, но он и сам понимал, что в целом это ситуацию не меняет. Он виноват и не представляет, что делать. Пойти поймать девочку в библиотеке и заговорить как ни в чем не бывало, чтобы понять, знает она о его проступке или нет? Страшно! Как ей в глаза-то смотреть? Подойти и сразу извиниться? А вдруг она все-таки не знает, кто это был, и получится, что он сам себя сдал с потрохами? В итоге Андрей принял самое правильное, на его взгляд, решение – никому ни в чем не признаваться, пока ему ничего не предъявили. Макс не выдаст. Во-первых, если выдаст, ему тоже влетит, ведь идея его, а во-вторых, Гринчук вытворял и похлеще, наверняка уже и думать забыл об этом происшествии.

История последствий не имела. Андрей не получил двойки за поведение, Аня его не отлупила при встрече, отец не объявил, что разочарован в сыне (ну, просто потому, что остался в счастливом неведении). Но Андрей больше так и не смог себя заставить прийти в библиотеку перед уроками и как ни в чем не бывало угощать конфетами девочку, которую он – придурок бесхарактерный! – утопил в луже. Андрей злился сам на себя, раз уж больше никто не знал, что на него нужно злиться. И, поскольку мальчик все-таки скучал по Ане, он втихаря

разглядывал свою подружку на каждой перемене и с замирающим сердцем слушал, как Макс в очередной раз возмущается по поводу неудачного соседства за партой. Самое главное было – не выдать своего интереса, чтобы больше никогда не слышать в свой адрес этой глупости, будто он влюбился!

А в седьмом классе Андрею все-таки пришлось признать – он действительно влюбился. И даже сам не знал, когда это произошло. Просто в одно прекрасное утро он проснулся от того, от чего рано или поздно просыпается каждый мальчишка. «Взрослеешь!» – заржал Серега в ответ на откровение младшего братца. (Ну не со Светкой же такое обсуждать? Серега хоть и язва, но все-таки парень). Но, к счастью, он хотя бы не спросил, что Андрею снилось. А снилась ему Аня. Она уже давно не сидела за одной партой с Гринчем, но тот продолжал на нее жаловаться другу, правда, теперь все-таки реже. Андрей уже давно поборол привычку выискивать девочку взглядом на каждой перемене и даже почти забыл, почему, собственно, боялся смотреть ей в глаза. Почти – потому что злосчастная лужа на этом же месте появлялась каждый год, а вместе с ней появлялся и невыносимый стыд за то, каким он был идиотом. А теперь к нему добавился еще и стыд за то, как на Аню реагирует его собственный организм. Предатель!

7.

Аня была в шоке. Она совершенно забыла своего первого школьного приятеля! С Риткой они стали не разлей вода гораздо позже, классу ко второму, а в первом лишь приглядывались друг к другу, поскольку обе были натурами независимыми и недоверчивыми. И вот поди ж ты. Это, оказывается, Андрей. И он ее отлично помнит. Кстати, а почему тогда они перестали общаться?

Своего библиотечного приятеля, который мог придумать на ровном месте кучу интересных игр, почти не нарушающих дисциплину (а это все-таки было важно, получать замечания девочка никогда не любила), Аня почему-то с Андреем вообще не соотносила. Ну, Светленький и Светленький, ну, сидит у нее за спиной, попинывает ее стул да периодически цепляет волосы ручкой. Ничего необычного, столько лет в одной школе проучились. Интересно, а если бы Аня помнила, что дружила в детстве с Андреем, она бы относилась к нему как-то иначе? За весь прошлый год они едва ли перекинулись десятком фраз, а парень, как выяснилось, вообще-то не прочь поболтать о чем угодно и за словом в карман не лезет. Правда, в прошлом году у Ани все-таки были другие приоритеты, которые, наверное, как-то сказывались на желании (или нежелании) девушки общаться с одноклассниками помимо Ритки. И где он теперь, этот приоритет, уже даже не думалось.

Зато Андрей провожал ее до дома, хотя и не должен был, угощал мороженым и целовал в щеку на прощание. Она сперва удивилась и решила, что парень просто привык так общаться со всеми. Он ведь такой... открытый, что ли? Не то что она, в общем. Но сейчас вдруг поняла: с Ленкой и Машкой он не расцеловывался! От этой мысли Ане захотелось побиться головой о парту прямо в классе, хотя Анна Николаевна и не поняла бы такой экспрессии. Еще подумает, что ученица переутомилась от литературоведческого анализа текста! Пришлось сдержаться и заняться выполнением задания. И все же. *Как! Она! Могла! Не! Заметить?* Вот о безмерной и оттого еще более несчастной любви Славика Кузнецова в ее сторону Аня знала класса, кажется, с шестого. Но Славик, тоже сын одного из педагогов их школы, ей был особо не интересен. Девочка старательно избегала его который год подряд, благо, он не сильно активничал. А вот Андрей... Аня закрыла глаза и словно увидела его перед собой. И даже почти почувствовала быстрый поцелуй на своей щеке. Андрей ей нравится, пора бы это признать. И что ей с этим делать, было абсолютно непонятно.

Пока Рита наслаждалась всеми радостями своей ангины, Андрей так и продолжал сидеть с Аней на занятиях в центре подготовки к ЕГЭ и даже попытался перебраться к ней за парту на уроках, но тут уже Ирина Ивановна пресекла его инициативу: «Нет уж, Светленький! В школе ты у Васильевой списывать не будешь! Давай-ка сам! Кыш обратно к Елисееву». Андрей смирился, а в четверг, когда у Ани снова по расписанию была подготовка к олимпиаде и не было смысла ехать домой, пригласил ее в гости.

– Соглашайся! Я не кусаюсь, честно-честно.

– Да ну. Зачем я к тебе пойду?

– Уроки сделаем. Чаю попьем – можем даже поесть, мать вчера голубцов накрутила. Кино посмотрим. Выбери на свой вкус.

– Неудобно как-то. Айда в библиотеку, может?

– Мы опять начнем смеяться, и Татьяна Алексеевна тебя туда больше в жизни не пустит.

– Блин. Точно. Ладно, пошли. Но только давай без голубцов, – Аня решила согласиться на его щедрое предложение. В конце концов, Андрей раз за разом показывал, что ему можно доверять.

– Да без проблем. Можно и бутербродами обойтись.

Маме Аня сказала, что сходит навестить Риту. Впрочем, подругу на днях должны выписать, переживет. Наверняка она сейчас висит на телефоне со своим Сережей, выясняя, кто кого больше любит. Слышала как-то Аня их разговор. Чуть не стошнило!

– Ты прямо так пойдешь? – удивилась девушка, увидев, что Андрей взял в гардеробе только ее куртку.

– Ну. Тут минуты три, можешь не застегиваться.

Идти действительно оказалось недолго. И не холодно. Андрей галантно придержал дверь подъезда, пропуская девушку вперед, и краем глаза увидел Гринча, поворачивающего из-за угла. Черт! Теперь же не отцепится. Оставалось только быстро скрыться в подъезде и надеяться, что тот их не заметил.

– А удобно ты устроился! – оценила Аня, оказавшись в комнате одноклассника. Здесь стояло две кровати. На одной из них парень явно спал, а вот вторая использовалась скорее как шкаф – точнее, была завалена кучей, вероятно, крайне важных вещей. На самом верху этой кучи примостилась спортивная сумка, из которой выглядывало оранжевое махровое полотенце. Из окна комнаты Андрея было видно школу, а если смотреть по прямой, взгляд упирался в окна кабинета биологии. – И как тебе живется с видом на Жорика?

Жориком ученики звали макет черепа, который неизменно стоял на подоконнике возле стола биологички, – вероятно, в назидание. Дескать, вот что будет с теми, кто не подготовится к контрольной! Будучи человеком начитанным, Аня сильно подозревала, что черепушку изначально звали бедным Йориком, как у Шекспира, но вскоре несчастный ассимилировался и утратил свое гордое иностранное имя. Сейчас Жорик смотрел на Аню своими пустыми глазами через улицу.

– Каждое утро с ним здороваюсь! – рассмеялся Андрей. – А выше кабинет ИЗО, учительницу рисования тоже отлично видно.

– Кошмар! Никакой личной жизни!

– И не говори! А на первом периодически директриса поливает свои любимые фикусы. Я живу в вечном стрессе. Хоть вообще к окну не подходи!

8.

Гринча с самого утра бесило все – от натирающего кроссовка до контрольной по химии, за которую он, разумеется, получит двойку, потому что Анька опять не дала списать ни ему, ни тем, у кого он мог бы потом перекатать. В ответ на его практически мольбы о помощи («Анька, псс! Дай списать, а? Че те, жалко?») она спросила, знакомо ли ему понятие интеллектуальной собственности, отвернулась и всем своим видом показывала, что тема закрыта. Вот жалко ей, что ли?

После уроков Макс проводил Кристинку и, возвращаясь, увидел небывалое. Светлячок и Анька вместе идут из школы! Гринч не поверил своим глазам. Одноклассники зашли в подъезд Андрея, как будто так и нужно. Как будто все нормально! Светлячок даже придержал ей дверь, джентльмен хренов. А он, Макс, стоял с растерянным видом. Такая сенсация пропадает! Такой повод для подколов! Вот надо было подойти к ним и на всю улицу заорать: «Ага, попались, голубки!». Но он почему-то промолчал. Наверное, слишком был удивлен тем фактом, что Анька вообще может спокойно разговаривать с каким-либо парнем, а не огрызаться, как с ним, Максом, и даже зайти к этому парню в гости. Вот к Гринчу бы она в жизни не зашла. Не то чтобы он ее звал, конечно.

Кстати, прозвище Гринч приклеилось к нему намертво тоже из-за этой вредной девчонки. Однажды, классе в пятом, он, получив нагоняй от отца за очередную двойку (спина, по которой прилетело бляхой ремня из военторга, саднила потом неделю), хмуро сидел на классном часе, где ребята обсуждали подготовку номера для выступления на новогоднем празднике. Болели синяки под рубашкой, болела голова от злых слез на полночи (очень тихо, чтобы отец не услышал и не добавил еще!), перед глазами все плыло (в результате он проспал и не успел позавтракать, рванув в школу голодным). В общем, день не задался и новогоднего настроения не было, равно как и желания тратить время на всякую ерунду вроде художественной самодеятельности. Поэтому все предложения по номеру Макс откровенно высмеивал: танец – будто эпилептики в припадке бьются, стихи дурацкие, песню про елочку давайте еще споем, как в садике! На что Анька, которая тогда еще помогала ему с учебой, просто именно в тот злосчастливый для мальчика день валялась дома с какой-то болячкой, еще слегка бледная (ее только вчера выписали), рассмеялась:

– Ну что ты как Гринч, ей-богу? Мы не дадим тебе испортить праздник!

– Так он и есть Гринч. Гринчук же! – захохотал Валерка Саймиев.

Ржал весь класс. А Макс терпеть не мог, когда все ржут не над его шутками, а над ним самим. Спустя неделю Гринчем его называла уже вся школа. И даже Андрей, с которым они тогда учились в разных классах, но играли в одной хоккейной команде и вроде как дружили, однажды прямо на тренировке заорал:

– Гринч, слева! – так он решил предупредить, что приятель сейчас впечатается в ограждение.

– Спасибо, Светлячок! – проорал как можно громче в ответ Макс, хотя еще секундой ранее он не имел никаких претензий к забавной фамилии Андрея, которого знал с яслей. Ну Светленький и Светленький. Мог быть Суходрыщенко, например. Но почему-то прозвище к Андрею так и не приклеилось, хотя сам Макс упорно продолжал его звать Светлячком.

И вот теперь этот Светлячок придерживал дверь перед главной вредinou класса. Ну кто бы мог подумать! Интересно, что они там делают? В окно, конечно же, ничего не видно. Хотя вон свет в его комнате горит. Что парень и девушка делают при свете? Книжки, что ли, читают? Три ха-ха. Да, определенно, эту сенсацию он так не оставит.

9.

От обеда Аня все-таки отказалась, и Андрей, который уже был бы не против поесть, решил обойтись пока без голубцов. Быстро нарезав бутерброды, он сложил их на тарелку и отнес к себе в комнату. Чаепитие парень организовал прямо за письменным столом – именно там он обычно и ел, когда дома никого не было. Потом, конечно, ругал сам себя, вытряхивая крошки из клавиатуры, но все равно в следующий раз тащил тарелку к компьютеру.

– Держи! – Андрей поставил перед Аней красную кружку с логотипом местной телекомпании, а сам отпил чай из белой чашки с букетом сирени и надписью «Светлана».

– Интересный выбор, – хмыкнула девушка, заметив гендерное несоответствие.

– Да это кружка моей сестры. В детстве она никому не разрешала ее трогать и тем более пить из нее. Но сейчас она не видит. Ты же никому не скажешь?

– Не-а!

– Вот и ладненько! – и, видя искру веселья в ее глазах, добавил: – Да, мою сестру родители весьма оригинально назвали Светланой Светленькой. В знак протеста она этим летом вышла замуж за парня по фамилии Чернов и перекрасилась.

Аня засмеялась. Было непривычно вот так запросто разговаривать с Андреем о его семье, сидеть у него в гостях и уплетать бутерброды, когда еще месяц назад они практически не общались.

– А эта? – девушка перевела взгляд на кружку, из которой пила чай.

– Это моя. Я ее выиграл во втором классе.

– Да ты везунчик! Как?

– Встал однажды утром на хоккей в каникулы, включил телек, и как раз викторину объявили. Я дозвонился первым и ответил.

– Ого! А что за вопрос был?

– Да я не помню уже. Но кружку тоже никому не разрешал брать. Особенно Светке. Трофей!

– О! Тогда и я не буду ее трогать.

– Тебе можно.

А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.